

«Детское чтение для сердца и разума»

Н.М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

Детская 7

■ 2008 (109)

Николай Карамзин
Бедная Лиза

ИМЕНА:

Русский Гораций

**СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО
ТВОРЧЕСТВА**

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Саша Чёрный

---

* * *

Ах, сколько на свете детей!
Как звёзд на небесном челе...
По всей необъятной земле
Кружатся, как стаи чижей...
Япончата,
Китайчата,
Англичане и французы,
Узкоглазые тунгузы,
Итальянцы и испанцы,
Арапчата, негритята,
Португальцы –
Перебрали все мы пальцы,
На ногах ещё ведь есть,
Да не стоит — всех не счесть!

Все любят сласти, игры и сказки,
Все лепят и строят, — подумай, дружок!
У каждого ясные детские глазки,
И каждый смеётся и свищет в свисток...

Ах, когда б собрать всех вместе –
Вёрст на двести
Растянулся б хоровод...
Завертеться б, закружиться,
Сразу всем остановиться,
Отдышаться всем на миг –
И поднять весёлый крик!
Птицы с веток все слетели,
Солнце б вздрогнуло вверху,
Муравьи б удрали в щели,
Ветер спрятался б во мху!

1921 г.

К. Юон
В провинции.
Город Торжок

Главный редактор
Юрий Козлов
Главный художник
Юрий Коннов
Заместитель главного редактора
Иринв Платонова
Редактор-составитель
Екатеринв Рощина
Художественное
редактирование и макет
Татьяна Погудина
Зав. производством
Елена Шевцова
Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Корректор
Людмила Пономаренко
Финансовая группа
Елена Петрова
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Юрисконсульт
Виктор Кудинов

Приёмная редакции
Нина Кошелева

Журнал выходит
один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:
72766 — на полгода
71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел. (495) 261-84-61
Факс (495) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат»
(142300, г. Чехов Московской обл.)
Факс: 8 (49672) 6-25-36,
8 (49672) 6-73-00

многоканальный:

В номере:

3

Николай КАРАМЗИН

Бедная Лиза

13

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Ирина НЕНАРОКОМОВА

Художник впечатлений: Клод Моне

17

РАССКАЗЫ

Раиса КУЛИКОВА

Солнечный дождь

18

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

Русский Гораций: Державин

20

РАССКАЗЫ

Тамара Лохова

Рассказы-горошины

21

ЗЕЛЁНЫЙ ПАТРУЛЬ

Сергей Глядков

Баргузинский заповедник

23

ПОДВИЖНИКИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Ольга КЛЮКИНА

Монастырская ниточка

24

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Каламбур

25

ИГРОТЕКА

27

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШ

Надежда БЕССОНС

Облако

28

СТРАНИЧКА ДЕТСКОС

v 7-2008₁

3,
0

чати

Николай Карамзин Бедная Лиза

Художник А. ИТКИН

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели — куда глаза глядят, — по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на неё солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся!.. Но всего чаще привлекает меня к стенам Си...нова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают моё сердце и заставляют меня проливать слёзы нежной скорби!

Саженьях в семидесяти от монастырской стены, подле берёзовой рощицы, среди зелёного луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкою, матерью своею.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вёл всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наёмника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаём, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слёзы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умеют! — день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, которая осталась после отца пятнадцати лет, — одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и

ночь — ткала холсты, вязала чулки, весной рвала цветы, а летом брала ягоды — и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала её к слабо бьющемуся сердцу, называла Божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила Бога, чтобы он наградил её за всё то, что она делает для матери.

«Бог дал мне руки, чтобы работать, — говорила Лиза, — ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребёнком; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слёзы наши не оживят батюшки».

4

Но часто нежная Лиза не могла удержать собственных слёз своих — ах! она помнила, что у неё был отец и что его не стало, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и весёлою. «На том свете, любезная Лиза, — отвечала горестная старушка, — на том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть — что с тобою без меня будет? На кого тебя покинуть? Нет, дай Бог прежде пристроить тебя к месту! Может быть, скоро сыщется добрый человек. Тогда, благословя вас, милых детей моих, перекрещусь и спокойно лягу в сырую землю».

Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы — и покраснелась. «Ты продаёшь их, девушка?» — спросил он с улыбкою. «Продаю», — отвечала она. «А что тебе надобно?» — «Пять копеек». — «Это слишком дёшево. Вот тебе рубль». Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека — ещё более покраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмёт рубля. «Для чего же?» — «Мне не надобно лишнего». — «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берёшь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы; хотел бы, чтоб ты рвала их только для меня». Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и хотела идти, но незнакомец остановил её за руку. «Куда же ты пойдёшь, девушка?» — «Домой». — «А где дом твой?» Лиза сказала, где она живёт, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать её, может быть, для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехаться.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что с нею случилось. «Ты хорошо сделала, что не взяла рубля. Может быть, это был какой-нибудь дурной человек...» — «Ах нет, матушка! Я этого не думаю. У него такое доброе лицо, такой голос...» — «Однако ж, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты ещё не знаешь, друг мой, как злые люди могут обидеть бедную девушку! У меня всегда сердце бывает не на своём месте, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образом и молю Господа Бога, чтобы он сохранил тебя от всякой беды и напасти». У Лизы навернулись на глазах слёзы; она поцеловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самых лучших ландышей и опять пошла с ними в город. Глаза её тихонько чего-то искали.

Многие хотели у неё купить цветы, но она отвечала, что они непродажные, и смотрела то в ту, то в другую сторону. Наступил вечер, надлежало возвратиться домой, и цветы были брошены в Москву-реку. «Никто не владей вами!» — сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть в сердце своём.

На другой день ввечеру сидела она под окном, пряла и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочила и закричала: «Ах!..» Молодой незнакомец стоял под окном.

«Что с тобой сделалось?» — спросила испугавшаяся мать, которая подле неё сидела. «Ничего, матушка, — отвечала Лиза робким голосом, — я только его увидела». — «Кого?» — «Того господина, который купил у меня цветы». Старуха выглянула в окно.

Молодой человек поклонился ей так учтиво, с таким приятным видом, что она не могла подумать об нём ничего, кроме хорошего. «Здравствуй, добрая старушка! — сказал он. — Я очень устал; нет ли у тебя свежего молока?» Услужливая Лиза, не дождавшись ответа от матери своей — может быть, для того, что она его знала наперёд, — побежала на погреб — принесла чистую кринку, покрытую чистым деревянным кружком, — схватила стакан, вымыла, вытерла его белым полотенцем, налила и подала в окно, но сама смотрела в землю. Незнакомец выпил — и нектар из рук Гебы не мог бы показаться ему вкуснее. Всякий догадается, что он после того благодарил Лизу, и благодарил не столько словами, сколько взорами...

Становилось темно, и молодой человек хотел уже идти. «Да как же нам называть тебя, добрый, ласковый барин?» — спросила старуха. «Меня зовут

Эрастом», — отвечал он. «Эрастом, — сказала тихонько Лиза, — Эрастом!» Она раз пять повторила сие имя, как будто бы стараясь затвердить его. Эраст простился с ними до свидания и пошёл. Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: «Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!» Всё Лизино сердце затрепетало. «Матушка! Матушка! Как этому статься? Он барин, а между крестьянами...» — Лиза не договорила речи своей.

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вёл рассеянную жизнь, думал только о своём удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводжали. Ему казалось, что он нашёл в Лизе то, чего сердце его давно искало. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», — думал он и решился — по крайней мере на время — оставить большой свет.

Обратимся к Лизе. Наступила ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна, но на сей раз желание её не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души её, образ Эрастов, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Ещё до восхождения солнечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зелёном покрове природы. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило всё творение: рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами света. Но Лиза всё ещё сидела подгорюнившись. Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу. Между тем молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели. Лиза устремила на него взор свой и думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рождён был простым крестьянином, пастухом, и если бы он теперь мимо меня гнал стадо своё — ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: «Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо своё? И здесь растёт зелёная трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей». Он взглянул бы на меня с видом ласковым — взял бы, может быть, руку мою... Мечта!» Пастух, играя на свирели, прошёл мимо и с пёстрым стадом своим скрылся за ближним холмом.

Вдруг Лиза услышала шум вёсел — взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке — Эраста.

Все жилки в ней забились, и, конечно, не от страха. Она встала, хотела идти, но не могла. Эраст выскочил на берег, подошёл к Лизе и — мечта её отчасти исполнилась: ибо он *взглянул на неё с видом ласковым, взял её за руку...* А Лиза, Лиза стояла с потупленным взором, с огненными щеками, с трепещущим сердцем — не могла отнять у него руки, не могла отворотиться, когда он приблизился к ней с розовыми губами своими... Ах! Он поцеловал её, поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящего! «Милая Лиза! — сказал Эраст. — Милая Лиза! Я люблю тебя!», и сии слова отозвались во глубине души её, как небесная, восхитительная музыка; она едва смела верить ушам своим и...

Но я бросаю кисть. Скажу только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость — Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем.

Они сидели на траве, и так, что между ими оставалось не много места, — смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: «Люби меня!», и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила, что мать её может о ней беспокоиться. Надлежало расстаться. «Ах, Эраст! — сказала она. — Всегда ли ты будешь любить меня?» — «Всегда, милая Лиза, всегда!» — отвечал он. «И ты можешь мне дать в этом клятву?» — «Могу, любезная Лиза, могу!» —

«Нет! Мне не надобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?» — «Нельзя, нельзя, милая Лиза!» — «Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» — «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать». — «Для чего же?» — «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое». — «Нельзя статься». — «Однако ж прошу тебя не говорить ей об этом ни слова». — «Хорошо: надобно тебя послушаться, хотя мне и не хотелось бы ничего таить от неё».

Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видаться или на берегу реки, или в берёзовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижины, только, верно, непременно видаться. Лиза пошла, но глаза её сто раз обращались на Эраста, который всё ещё стоял на берегу и смотрел вслед за нею.

Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из неё вышла. На лице и во всех её движениях обнаруживалась сердечная радость. «Он меня любит!» — думала она и восхищалась сею мыслию. «Ах, матушка! — сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. — Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как всё весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!» Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно в самом деле показалось ей отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для неё всю натуру. «Ах, Лиза! — говорила она. — Как всё хорошо у Господа Бога! Шестой десяток доживаю на свете, а всё ещё не могу наглядеться на дела Господни, не могу наглядеться

на чистое небо, похожее на высокий шатёр, и на землю, которая всякий год новою травой и новыми цветами покрывается. Надобно, чтобы Царь Небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет. Ах, Лиза! Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя?.. Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слёзы не капали». А Лиза думала: «Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!»

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в берёзовой роще, но всего чаще под тению столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) — дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, ещё в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зелёные ветви, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались — но целомудренная, стыдливая Цинтия не скрывалась от них за облако: чисты и непорочны были их объятия. «Когда ты, — говорила Лиза Эрасту, — когда ты скажешь мне: «Люблю тебя, друг мой!», когда прижмёшь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю всё, кроме Эраста. Чудно! Чудно, мой друг, что я, не зная тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно, теперь думаю, что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих тёмных светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». Эраст восхищался своей пастушкой — так называл Лизу — и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. «Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, — думал он, — не употреблю во зло любви её и буду всегда счастлив!» Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты своё сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?

Лиза требовала, чтобы Эраст часто посещал мать её. «Я люблю её, — говорила она, — и хочу ей добра, а мне кажется, что видеть тебя есть великое благополучие для всякого». Старушка в самом деле всегда радовалась, когда его видела. Она любила говорить с ним о покойном муже и рассказывать ему о днях своей молодости, о том, как она в первый раз встретила с милым своим Иваном, как он полюбил её и в какой любви, в каком согласии жил с нею. «Ах! Мы никогда не могли друг на друга наглядеться — до самого того часа, как лютая смерть подкосила ноги его. Он умер на руках моих!» Эраст слушал её с непритворным удовольствием. Он покупал у неё Лизину работу и хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены, но старушка никогда не брала лишнего.

Таким образом прошло несколько недель. Однажды ввечеру Эраст долго ждал своей Лизы. Наконец пришла она, но так невесела, что он испугался; глаза её от слёз покраснели. «Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?» — «Ах, Эраст! Я плакала!» — «О чём? Что такое?» — «Я должна сказать тебе всё. За меня сватается жених, сын богатого крестьянина из соседней деревни; матушка хочет, чтобы я за него вышла». — «И ты соглашаешься?» — «Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да, мне жаль матушки; она плачет и говорит, что я не хочу её спокойствия, что она будет мучиться при смерти, если не выдаст меня при себе замуж. Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!» Эраст целовал Лизу, говорил, что её счастье дороже ему всего на свете, что по смерти матери её он возьмет её к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю. «Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» — сказала Лиза с тихим вздохом. «Почему же?» — «Я крестьянка». —

«Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная невинная душа, — и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу».

Она бросилась в его объятия — и в сей час надлежало погибнуть непорочности! Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей — никогда Лиза не казалась ему столь прелестною, никогда ласки её не трогали его так сильно, никогда её поцелуи не были столь пламенны, — она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не боялась — мрак вечера питал желания — ни одной звездочки не сияло на небе, никакой луч не мог осветить заблуждения. Эраст чувствует в себе трепет — Лиза также, не зная отчего, не зная, что

с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где — твоя невинность?..

Свидания их продолжались; но как всё переменялось!.. Она видела в нём перемену и часто говорила ему: «Прежде бывал ты веселее, прежде бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!» Иногда, прощаясь с ней, он говорил ей: «Завтра, Лиза, не могу с тобою видаться: мне встретилось важное дело», — и всякий раз при сих словах Лиза вздыхала.

Наконец пять дней сряду она не видала его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришёл он с печальным лицом и сказал ей: «Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идёт в поход». Лиза побледнела и едва не упала в обморок.

Эраст ласкал её, говорил, что он всегда будет любить милую Лизу и надеется по возвращении своём уже никогда с нею не расставаться. Долго она молчала, потом залилась горькими слезами, схватила руку его и, взглянув на него со всею нежностью любви, спросила: «Тебе нельзя остаться?» — «Можу, — отвечал он, — но только с величайшим бесславием, с величайшим пятном для моей чести. Все будут презирать меня; все будут гнушаться мною, как трусом, как недостойным сыном отечества». — «Ах, когда так, — сказала Лиза, — то поезжай, поезжай, куда Бог велит! Но тебя могут убить». — «Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза». — «Я умру, как скоро тебя не будет на свете». — «Но зачем это думать? Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу». — «Дай Бог! Дай Бог! Всякий день, всякий час буду о том молиться. Ах, для чего не умею ни читать, ни писать! Ты бы уведомлял меня обо всём, что с тобою случится, а я писала бы

к тебе — о слезах своих!» — «Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала». — «Жестокий человек! Ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! Расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце моё». — «Думай о приятной минуте, в которую опять мы увидимся». — «Буду, буду думать об ней! Ах, если бы она пришла скорее! Любезный, милый Эраст! Помни, помни свою бедную Лизу, которая любит тебя более, нежели самой себя!»

Но я не могу описать всего, что они при сем случае говорили. На другой день надлежало быть последнему свиданию...

10

Но что же чувствовала она тогда, когда Эраст, обняв её в последний раз, в последний раз прижав к своему сердцу, сказал: «Прости, Лиза!..» Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях свою бедную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся натура пребывала в молчании.

Лиза рыдала — Эраст плакал — оставил ее — она упала — стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся — далее — далее — и, наконец, скрылся — воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти.

Она пришла в себя — и свет показался ей уныл и печален. Все приятности природы сокрылись для неё вместе с любезным её сердцу. «Ах! — думала она. — Для чего я осталась в этой пустыне? Что удерживает меня лететь вслед за милым Эрастом? Война не страшна для меня; страшно там, где нет моего друга. С ним жить, с ним умереть хочу или смертью своею спасти его драгоценную жизнь. Постой, постой, любезный! Я лечу к тебе!» Уже хотела она бежать за Эрастом, но мысль: «У меня есть мать!» — остановила её... Таким образом прошло около двух месяцев.

В один день Лиза должна была идти в Москву, затем чтобы купить розовой воды, которою мать её лечила глаза свои. На одной из больших улиц встретила её великолепная карета, и в сей карете увидела она Эраста. «Ах!» — закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и поворотила на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дома, как вдруг почувствовал себя в Лизиних объятиях. Он побледнел — потом, не отвечая ни слова на её восклицания, взял её за руку, привёл в свой кабинет, запер дверь и сказал

ей: «Лиза! Обстоятельства переменялись; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей — возьми их, — он положил ей деньги в карман, — позволь мне поцеловать тебя в последний раз — и поди домой». Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел её из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце моё обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрaste — готов проклинать его, — но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? Нет, он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти всё своё имение. Скоро заключили мир, и Эраст возвратился в Москву, отягчённый долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но всё сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице, и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» — вот её мысли, её чувства! Жестокий обморок перервал их на время. Одна добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле, и старалась привести её в память. Несчастная открыла глаза — встала с помощью сей доброй женщины, — благодарила её и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, — думала Лиза, — нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! Небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями её восторгов. Сие воспоминание потрясло её душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице её. Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость — осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, кликнула её, вынула из кармана десять империалов и, подавая ей, сказала: «Любезная Анюта, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке — они не краденые, — скажи ей, что Лиза против неё виновата, что я таила от неё любовь свою к одному жестокому человеку — к Э... На что знать

его имя? Скажи, что он изменил мне, — попроси, чтобы она меня простила, — Бог будет её помощником, поцелуй у неё руку так, как я теперь твою целую, скажи, что бедная Лиза велела поцеловать её, скажи, что я...» Тут она бросилась в воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти её, побежала в деревню — собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мёртвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!

Её погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на её могиле. Тут часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо мною шумят листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь её от ужаса охладела — глаза навек закрылись. Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: «Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!»

Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привёл меня к Лизиной могиле. Теперь, может быть, они уже примирились!

Николай Михайлович КАРАМЗИН

жат много описаний природы и большой материал для характеристики культурной жизни европейских стран. Глубокое преклонение перед западной культурой, которым проникнуты «Письма», имело большое воспитательное значение для того времени. В том же журнале были помещены и две повести Карамзина — «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь», в которых очень ярко отразилось господствовавшее тогда на Западе сентиментальное направление в литературе. «Бедная Лиза» имела огромный успех и вызвала много литературных откликов и подражаний. В этой повести, несмотря на всю условность её образов, было некоторое приращение к жизненной правде, произведшее сильное впечатление на читателей.

Наибольшая заслуга Карамзина заключается в проведённой им реформе литературного языка. Он освободил русский литературный язык от славянизмов и длинных периодов латинско-немецкой конструкции, приблизил его к разговорному и оживил большим количеством новых слов и выражений, отчасти созданных им самим, отчасти перенесённых им из старинных литературных памятников, которые ему приходилось изучать в качестве историка. Общественные взгляды Карамзина отличаются большими противоречиями, свойственными большинству образованных русских людей его времени. Увлечение свободолоубивой проповедью Руссо соединялось у Карамзина с довольно откровенным крепостничеством.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — русский писатель и историк. В начале 90-х годов XVIII столетия Карамзин начал издавать «Московский журнал», сыгравший большую роль в развитии литературных интересов и вкусов русского образованного общества того времени. Этот журнал почти целиком заполнялся произведениями Карамзина. Здесь были помещены «Письма русского путешественника» — путевые впечатления из поездки Карамзина по Германии, Швейцарии, Франции и Англии. «Письма» содер-

Художник впечатлений: КЛОД МОНЕ

РУССКИЙ
МУЗЕЙ

Ирина
Ненарокова

Моне родился в Париже, но детство и юность провёл в Гавре. При крещении мальчику дали несколько манерное имя Оскар, от которого он впоследствии, несмотря на протесты родителей, отказался, заменив его именем Клод. В этом поступке впервые по-настоящему проявилась самостоятельность будущего художника — черта, которая не раз помогала Клоду Моне. Сначала — преодолеть нежелание отца-бакалейщика видеть его художником. Затем, в годы обучения у модного парижского художника Глейра (1862–1864), — отстоять свой взгляд на искусство. И наконец, на протяжении всей жизни, пожалуй, именно эта черта помогала художнику в минуты сомнений оставаться таким же деятельным, каким бывал он в минуты удач...

В юности Моне с увлечением рисовал шаржи на окружающих. Местный художник Эжен Буден заинтересовался юношей и дал ему первые уроки живописи. Страстный последователь барбизонцев, Буден, как и они, сделал пейзаж главной темой своих картин. Со

Клод Моне (1840–1926)

Завтрак на траве. 1865 г.

Руанский собор. 1892–1894 гг.

временем пейзажный мотив занял такое место и в творчестве Моне. В начале пути художник наряду с пейзажами («Ферма в Нормандии», 1864; «Дорога в лесу Фонтенбло», 1865) писал и фигурные композиции («Завтрак на траве», 1865; «Женщины в саду», 1867). Но уже в «Лягушатнике» (1869) фигуры людей явно подчинены пейзажу. А в последующее десятилетие, с 1870 по 1880 год, Моне создаёт свои лучшие пейзажи: «Бульвар Капуцинок», «Поле маков», серию полотен «Вокзал Сен-Лазар», «Паруса в Аржантёе», «Мост и лодка в Аржантёе» и другие.

В Аржантёе, неподалеку от Парижа, Моне и его жена Камилла поселились в 1871 году. С этого времени их дом стал как бы штабом импрессионистов. Здесь подолгу жили и работали друзья художника: Ренуар, Сислей, Кайботт. Здесь в 1874 году вместе с ними занимался пленэрной живописью Эдуар Мане, той самой пленэрной живописью импрессионистов, без которой невозможно представить себе теперь формирование всех последующих пейзажистов Франции...

Поле маков. 1873 г.

Расцвет творчества этой славной плеяды художников пришёлся на годы Третьей республики (1871–1899), когда в почёте у новоиспеченной денежной знати были душеспасительные ложнопатриотические и религиозные сюжеты, исполненные художниками-академистами в условной коричнево-тёмной гамме. Этому искусству импрессионисты вслед за реалистами предшествующего поколения — Коро, Курбе, барбизонцами — противопоставляли правдивые пейзажи Франции, портреты ничем не знаменитых людей. И всё это в совершенно новой живописной манере, светлой, радостной. Маленькие, отдельно положенные мазки почти чистых красок, какими писали они свои картины, на расстоянии сливались в глазах зрителя, создавали у него ощущение изменчивости, подвижности изображаемого. Так близко подойти к непосредственному и живому восприятию природы не удавалось до импрессионистов ещё никому...

Отрицая своим творчеством официальное искусство, импрессионисты тем самым противостояли и существующе-

«Китайское» море. 1867 г.

му строю, который покровительствовал такому искусству. Неудивительно, что их полотна не принимались на выставки, устраиваемые Салоном. Тогда Моне предложил друзьям организовать свою самостоятельную выставку. Она открылась в 1874 году, и выставленная на ней картина Моне «Впечатление. Восход солнца» (1872) дала повод назвать Моне и его единомышленников импрессионистами («впечатление» — по-французски l'impression). Ни эта, ни другие вы-

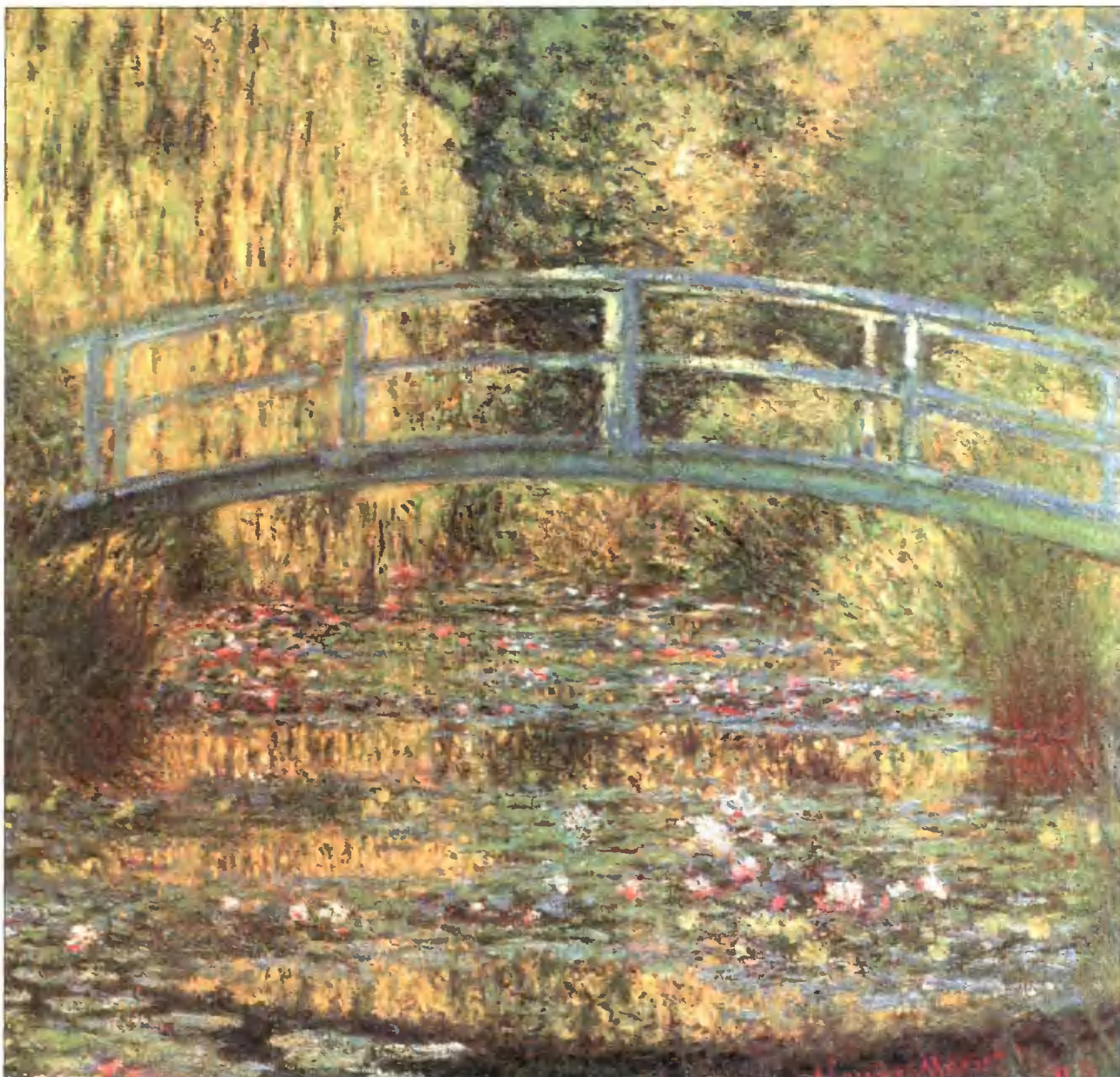
Впечатление. Восход солнца. 1872 г.

ставки в 1876, 1877 и 1879 годах не принесли Моне и его группе ни признания, ни материального благополучия. Нищета сопутствовала этим одержимым людям так же долго, как насмешка и брань толпы. Только с середины 80-х годов творчество Моне начинает приобретать мировую известность.

В эти годы в погоне за новыми впечатлениями он посещает Лазурное побережье Франции, Итальянскую Ривьеру, Голландию, предпринимает поездки на северное и северо-западное побережье Франции: в Этрета, на остров Бель-Иль... Моне всегда любил писать воду, и писал её изумительно. В Этрета и на Бель-Иле он создаёт свои лучшие марины: «Бурное море Этрета», «Скалы в Этрета», «Скалы в Бель-Иле», «Дикое море у Бель-Иля» и другие.

В начале 90-х годов художник вновь возвращается к непритязательным мотивам. Пейзаж возле дома, памятник архитектуры, река — всё это служит теперь поводом, чтобы начать работать над серией картин («Стога», «Тополя», «Руанский собор», «Виды Темзы в Лондоне»). В конце 90-х годов Моне приступает к своей самой большой серии — «Нимфеи», или «Кувшинки», — и пишет её с перерывами до самой смерти. Художник воссоздает на холстах картины своего дивного сада, как истый импрессионист по-прежнему исходя из достоверности непосредственного своего восприятия.

Почти ослепший к концу жизни, он продолжает писать живую природу, всегда вдохновлявшую его на творчество.

Пруд с кувшинками. 1899 г.

Солнечный дождь

До чего я не люблю ходить в сад! Не люблю жить по расписанию.

— Не пойду, — говорю я маме, когда мы выходим на улицу. — Гляди, дождь идёт. Ни одна собака не гонит своего ребёнка в детский сад в такую погоду.

— Ты что? — удивляется мама. — Да радостней солнечного дождя ничего на свете не бывает. Только в солнечный дождь можно научиться летать. Гляди, как летят наши прозрачные дождевики.

— Как крылья, — кричу я. — Смотри, мама. Как крылья!

Ветер подхватывает маму, надувает её жёлтый дождевик, и она вот-вот улетит в небо. Я бегу вприпрыжку за мамой по дороге.

— В дождевиках прозрачных летаем над землёй, — поёт мама, облетая лужу.

— Под солнечным дождём, — добавляю я, облетая вторую лужу.

— По-моему, стихи получаются. Нужна рифма, — говорит мама, когда мы пролетаем мимо магазина.

— Летим выше! — зову я маму. — Рифмы высоко летают. — И я шире распахиваю свой синий дождевик.

— Ну что? Не видно? — спрашивает мама.

— Ни одной, — отвечаю я.

— А что внизу? — И мама смотрит вниз.

— Высоко залетели, не разберу, — говорю я маме.

— Спускаемся, — предлагает мама и перепрыгивает заборчик. Я за ней.

— А теперь видишь? — спрашивает она.

— Вижу! Вижу! — кричу я. — Мою подружку,

Лену Метёлкину, мама в детский сад тянет, а Лена, как ослёнок, упирается.

— А я вижу, — смеётся мама, — ваську воспитательницу, Татьяну Николаевну, дочка в сад тянет, а воспитательница упирается.

— А давай Лену с мамой в полёт пригласим, — предлагаю я маме.

— Не захотят.

— А вот и захотим, — кричит издали Лена.

— Захотим, — повторяет её мама, подбегая к нам с Леной.

— Куда летим? — серьёзно спрашивает меня Лена.

— В гости к солнышку! — отвечаю я.

— Приготовиться к срочному взлёту! — командует мама.

— Старт! — кричу я.

И мы вчетвером бежим по дороге, а на пригорке подпрыгиваем и... летим... Летим между солнечными каплями всё выше и выше. Всё выше и выше. Мамы впереди, а мы, взявшись за руки, следом.

До чего ЗДОРОВОООООооооо!

Русский Гораций: Державин

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

В.Боровиковский. Портрет Г.Р. Державина

«Бывший статс-секретарь при императрице Екатерине Второй, сенатор и коммерц-коллегии президент, потом при императоре Павле член Верховного совета и государственный казначей, а при императоре Александре министр юстиции, действительный тайный советник и разных орденов кавалер, Гавриил Романович Державин родился в Казани от благородных родителей в 1743 году июля 3 числа» — так начал он свои автобиографические «Записки».

Свой рассказ о Гаврииле Романовиче я буду иллюстрировать строками из его «Записок».

У матери с отцом было всего 60 душ, и эта бедность — по тем представлениям — преследовала Державина всю жизнь. «Помянутый сын их был первым от их брака; в младенчестве был весьма мал, слаб и сух...»

Очень скоро Гавриил получил первые уроки несправедливости. После смерти отца Державиным пришлось вступить в тяжбу с соседями, которые посягнули на их и так небогатые владенья, и потому «мать должна была с малыми своими сыновьями

ходить по судьям, стоять у них в передних у дверей по несколько часов, дожидаясь их выхода; но когда выходили, то не хотели никто выслушать её порядочно... и она должна была ни с чем возвращаться домой со слезами...» Не с тех ли дней — обострённое чувство справедливости, что не покидало Державина всю жизнь и приносило ему столько хлопот и горьких минут?

В Казанской гимназии, куда его определили, Гаврила «оказал более способности к наукам до воображения касающимся», однако до творчества как такового было ещё далеко. Любил копировать карты Казанской губернии, а потому однажды директор гимназии господин Верёвкин взял одного ученика с собой в Чебоксары для снятия плана города. Поскольку в математике Державин силен не был, то выйти из положения он решил так. Приказал помощникам сделать рамы шириною в восемь сажень (мера ширины улицы) и носить вдоль строев, и если рама зацеплялась за какой-нибудь дом, то в журнале записывал: ломать. Из затеи этой вышло много неприятностей домовладельцам, зато Гаврила вышел из положения. Вот так и всю жизнь: бывало, и друзей насмешит, а не сдастся, что-нибудь да придумает. Иначе так и остался бы рядовым Преображенского полка, куда был определён в 19 лет.

Однако товарищи его из состоятельных семей куда быстрее шли в гору, стали получать звания и всё остальное. А Гаврила продолжал исполнять чёрную солдатскую службу. В редкие минуты отдыха читал Ломоносова и Сумарокова, начал писать побаски и песенки, составлять письма, в том числе и любовные, по просьбе своих товарищей. Наверное, было в этих опытах немало интересного, но в 1770 году на карантинной заставе, спеша въехать в Петербург побыстрее, Державин сжёг целый сундук рукописей.

Шли годы, а он всё служил. И только благодаря своим способностям медленно поднимался вверх. В невысоком звании унтер-офицера пробыл целых 9 лет! Однажды, «стоя в будке позади дворца в поле на ча-

сах, ночью, в случившуюся жестокую стужу и метель, чуть было не замёрз; но прошедшая смена от того избавила». Таких «подарков» судьба припасла ему немало.

Однако интерес к искусству не пропадал. Да вот возможностей заняться им по-настоящему всё не было, как не было и должной среды. Однажды Державин, будучи весто-

делавшее немало шума в северной столице, — «Властителям и судиям». Написано оно в традиционной для поэта форме оды. Но от былой высокой торжественности он переходит здесь почти к явному обличению власти царей, не способной защитить своих подданных. Каждая строка — как гром для сильных мира сего.

И.Репин. Пушкин на Лицейском акте. 1911 г.

вым, привёз приказ прапорщику, князю Козловскому, на дом и, услышав чтение стихов, невольно остановился. «Поди, братец служивый, с Богом; что тебе попусту зевать? Ведь ты ничего не смыслишь», — небрежно бросил князь. Знал бы он, что через несколько лет этот бедный вояка напечатает свою первую оду, а там, придёт срок, будет принят самой императрицей как знаменитый поэт!

В 34 года Державин наконец выходит в отставку, ещё не зная, радоваться или нет, — так привык к армии. Однако же был наречён коллежским советником и получил целых 300 душ в Белорусской губернии! Бедность уже не преследовала его, как раньше, а вот с творчеством ещё всё было впереди: и муки слова, и ученическая подражательность, и опять слишком мало времени из-за службы, уже гражданской. И всё-таки талант брал своё. Державин начинает активно печататься в журнале «Петербургский вестник», где появляются такие его известные стихи, как «На смерть князя Мещерского», «Ключ», и произведение, на-

Выйдя в отставку, Гаврила Романович полностью отдаётся литературе. Вскоре появляется в печати его сборник «Анакреонтические песни», ставший явлением в русской поэзии. Здесь уже явен тот мостик, что привёл Державина к лирике, составил целую эпоху перехода от классицизма (строгого, возвышенного слога) к живому, реалистическому языку. И, надо сказать, с задачей он справился блестяще, проложив дорогу Жуковскому и Пушкину. «По любви к отечественному слову желал я показать его изобилие, гибкость, лёгкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований, каковые в других языках едва ли находятся»...

Любители поэзии называли его и «русским Анакреонтом», и «русским Горацием», а это был новатор в литературе, прекрасный поэт и удивительно яркая личность. Прах Державина покоится ныне в Новгородском кремле. Будете там — поклонитесь великому сыну России. Он заслужил это всем подвигом своей гордой и любящей души.

Горошинны

Жемчужное утро

Тёплым августовским утром прошёл небольшой дождь. Взошло солнце. Я открыла створку балконного окна и... обомлела. На листьях сирени и клёна — россыпи драгоценного жемчуга! Налетел неожиданно ветерок, дрогнули листья, и жемчуга — дар дождя — засияли, заперекатывались хрустальными горошинками. И сами листья, их прожилочки, словно расшиты тончайшими блестящими серебряными нитями. Зачарованная, стояла я и не могла отвести глаза от сказочного видения. Серебро и жемчуга — и всё переливается! Эта красота земная, сотворённая дождём, солнцем и лёгкими порывами ветерка, заколдовала и меня. Я смотрела, смотрела, и душа моя ликовала!

Кроха

Он совсем незаметен, крошка-шмель. Его увидели мы случайно. Маленький шмелик сидел на цветке розового клевера, что растёт в изобилии на нашем лугу. А незаметен был шмель потому, что ещё не приобрёл ярко-жёлтую, золотистую окраску. Солнечная краска ещё только начала проявляться, а пока он был сероватый, как дымка.

Что удивительно — крошка-шмель весь блестел! Как будто от солнышка отделился кусочек, летел-летел и опустился на цветок! И что ещё удивительнее — шмелик, величинной с ноготок мизинца, уже трудился! Он терпеливо обследовал цветок клевера — миллиметр за миллиметром — в поисках сладкого нектара.

Я подумала: так бы и нам, родителям, прививать любовь к посильному труду у наших детей. Чтобы потом меньше было неумех, не приспособленных к взрослой жизни.

Стойкий луговой солдатик

Так называю я это растение, знакомое каждому с детства. Почему стойкий? Попробуй его сорвать — не тут-то было! Крепко стоит на ногах, цепко держится за землю. Да и в каждой веточке есть сила земная.

Цветы встречаются разные: белые и розовые. Листья у них особенные, похожи на ресницы. Если у других растений листья целые, то у этих — узкие и ещё разрезанные. Их много на стебле, листьев-ресничек. Если сосчитать, их будет около тысячи. Хотя своё название цветок получил из-за них — тысячелистник! На крепком стебельке держит тысячелистник целую охапку мелких белых или розовых цветочков с жёлтой серединкой, собранных в один цветок-букет. А вместе — сила! Уходит лето. Травы желтеют, никнут. А тысячелистник стоит! Промчится осень, а там зима подступает, снежком замедает. Тысячелистник, стойкий луговой солдатик, продолжает нести свою вахту, несмотря на непогоду: злую стужу, пронизывающий ветер, неумные проливные дожди, снежные бураны да метели.

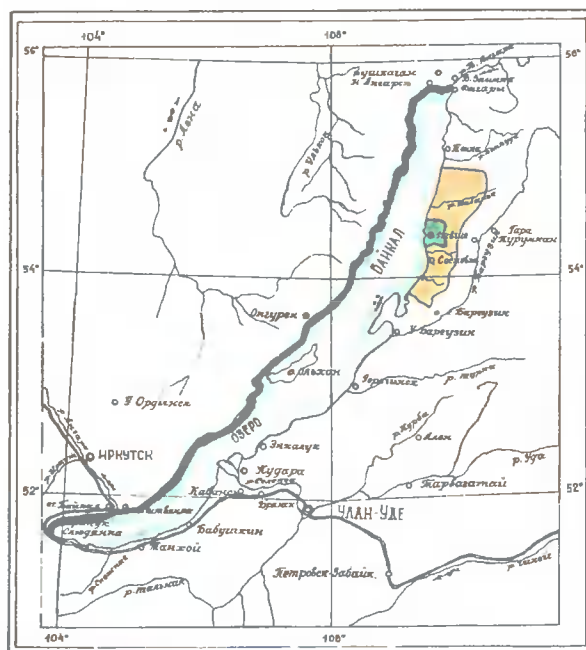
БАРГУЗИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

Баргузинский заповедник, учреждённый 17 мая 1916 года, считается первым государственным заповедником России. Правда, до него существовали частные, например Аскания-Нова и местные охотничьи заповедники. Баргузинский был создан для охраны знаменитого баргузинского соболя с редким мехом тёмного окраса. В июле 1914 года на северо-восточное побережье Байкала высадилась экспедиция под руководством известного зоолога, профессора Г.Г.Доппельмайера, которая должна была изучить ареалы обитания соболя. По результатам этой длившейся почти год экспедиции и был спроектирован заповедник. Интересно, что в момент создания на его территории сохранилось около 30 особей этого зверька. Окончательно восстановить его нормальное количество (порядка 1200 штук) на территории заповедника удалось только к 1960-м годам.

Именно здесь удалось выяснить, чем питается соболь, сколько ему нужно корма, насколько он плодовит и склонен ли к «перемене мест». Таким образом, заповедник стал научной лабораторией, нацеленной на охрану природы, разрабатывающей рекомендации по ее разумному использованию.

В истории этого старейшего заповедника как в капле воды отразилась история всей российской биологической

науки, и в частности заповедного хозяйства. При создании под заповедник выделили 200 000 гектаров. Первые годы его существования пришлось на революцию и гражданскую войну. Советская власть поначалу приветствовала дело охраны природы. В 1921 году был издан декрет за подписью В.И.Ленина об охране природы. Но средств не хватало — штат сотрудников составлял

Условные знаки:

Территория госзаповедника
 Байкальского/Баргузинского/лесхоза

Направление заповедника
 Тристанто

Чертил С.Г.

всего 5 человек. Только благодаря самоотверженности этих людей территория заповедника была спасена от разграбления. В 1926 году постановлением Совнаркома статус заповедника был подтверждён, а в 1937-м его площадь даже расширили до 570 000 га. В 1951 году площадь заповедника была урезана более чем в 10 раз — до 52 400 га, но в 1958-м часть территории вернули. Более того, в охраняемую зону попало побережье Байкала и 15 000 га площа-

ди самого озера. В настоящее время площадь заповедника — 374 322 га. В 1996 году заповедник был включён в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Природа заповедника отличается суровой красотой. С запада границей является берег озера, а на востоке она проходит по скалистому заснеженному гребню Баргузинского хребта. И сам Байкал и окружающие его горы возникли сравнительно недавно, поэтому для всего региона характерна высокая сейсмичность. На территории заповедника есть термические источники с температурой воды до 70 градусов. Климат резко континентальный, слегка смягчает его близость воды. Зимы холодные и снежные — в горах снеговой покров достигает 2,5 метра. Флора и фауна заповедника типично таёжная: из крупных млекопитающих много медведей, количество лосей и оленей ограничено из-за трудностей с кормами, особенно зимой, из деревьев — кедр, а выше в горах — пихта и берёза. Большое количество уникальных животных, многие из которых занесены в Красную книгу.

Только здесь можно увидеть байкальскую нерпу, а маленькую живородящую рыбку голомянку, которая живёт на глубине 600 метров при температуре не выше +9 градусов, даже увидеть трудно, потому что на поверхность она никогда не поднимается.

Созданный для изучения и восстановления поголовья соболя, заповедник приобрёл известность не только в нашей стране, но и за рубежом благодаря своему вкладу в охрану природы, окружаю-

щей озеро Байкал. Не секрет, что экология Байкала сейчас под угрозой из-за хозяйственной деятельности человека. Это понимают сотрудники заповедника. На территории заповедника расположена станция, проводящая постоянные наблюдения за состоянием озера. Аналогичные измерения проводятся и в соседних природоохранных организациях — к побережью Байкала примыкают территории ещё двух заповедников и множество национальных парков и госзаказников. Всё это позволяет вовремя отслеживать все вредные воздействия.

Важная функция заповедника — пропаганда охраны природы. На центральной станции заповедника в посёлке Давше силами сотрудников был создан музей природы Байкала. Хотя основная территория заповедника находится под строгой охраной, туристы, совершающие круиз по озеру, могут посещать центральную станцию и осматривать музей. Каждое лето музей принимает более 2000 посетителей, многие из которых приезжают из-за рубежа. Недавно заповедник отметил свой юбилей — ему исполнилось 90 лет.

Монастырская НИТОЧКА

У одного охотника, который остался вдовцом и во второй раз женился, был старший сын по имени Федотка.

Семья эта жила в глухом лесу, кормясь охотой и рыболовством. И всё бы ничего, да только с мачехой у Федотки случались частые ссоры. Доходило до того, что мальчик убегал по ночам в лес и мечтал жить лучше с медведями, чем дома.

— Вот подвернётся случай, отправлю тебя в город, и живи там как знаешь, — говорил охотник, которому до смерти надоели ссоры.

И вот однажды в здешние края на охоту пожаловал киевский князь со своей малой дружиной. Настреляли они в лесу зверья и дичи, а под вечер развернули на поляне шатры и устроились пировать.

Во всём старался угодить отец Федотки князю и, набравшись смелости, завёл разговор о том, что хорошо бы ему своего старшего сына отправить в город учиться какому-нибудь ремеслу.

— Да хоть прямо сейчас! — воскликнул князь. — А я как раз ломаю голову — кого бы мне дать в провожатые старцу, которого мы встретили по дороге в лесу? Очень уж мои дружинники сегодня хмельные. Пусть твой сын отвезёт его в город, к Печерскому монастырю, а я по возвращении скажу кузнецам, чтобы взяли его в ученики.

Не успел Федотка и глазом моргнуть, как его посадили верхом на коня, запряжённого в телегу, показали, куда держать путь, и велели доставить в город старенького монаха в чёрном ветхом платье.

Весь вечер ехал Федотка по лесной дороге, удивляясь странному поручению. «Видно, князь выпил лишнего, если велел чернеца, словно знатного боярина, на телеге везти», — размышлял он про себя.

И чем сильнее Федотка уставал, тем обиднее ему становилось везти с почётом нищего старика, который, судя по всему, был ещё и немым, потому что всю дорогу молчал.

— А ну-ка, слезай с повозки, будем местами меняться, — наконец не выдержал и остановился посреди тёмного леса маленький возница.

Старик послушно слез с повозки, взял лошадь под уздцы и молча пошёл пешком. А Федотка развалился в телеге, зарылся в сено и сам не заметил, как крепко уснул.

На рассвете он проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо.

— Просыпайся, чадо, тебе пора занять место на лошади, — сказал монах.

Художник С. Крестовский

Каламбур

Каламбур — шутка, острота, основанная на игре слов, была известна уже древним. Немало имеется и догадок о происхождении слова «каламбур». Так, говорят, в Париже при дворе Людовика XIV жил немецкий граф Калемберг (по-французски его фамилия произносится Каламбур). Он так плохо владел французским языком, что путал слова, которые звучали одинаково, а смысл имели разный. Над ним смеялся весь Париж.

Вскоре составление «каламбурных» рифм, острот, фраз сделалось модой и развлечением.

«Вы, щенки! За мной ступайте:
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

Автор этого каламбура —
А. С. Пушкин

«Я приехал в Москву, плачú
и пла́чу».
П. Вяземский

Федотка протёр глаза и увидел, что повозка давно уже ехала по дороге вдоль ржаного поля, а вдаль виднелись крепостные стены города. Едва мальчик пересел на лошадь, как из-за поворота показался встречный обоз. Поравнявшись с повозкой, из богатой кареты вышел боярин и до земли поклонился монаху.

«Вот это да! Выходит, мой старик — знатный человек. Должно быть, он нарочно нарядился в нищего, чтобы обмануть лесных разбойников, — не на шутку испугался Федотка. — К тому же он вовсе не немой и теперь наверняка велит высечь меня за то, что я заставил его всю ночь идти по лесу пешком».

Наконец путники въехали в город и вскоре оказались возле ворот, откуда вышли чернецы. Не успел Федотка осмотреться, как его позвали к игумену — главному начальнику. Тут уж он и вовсе от страха хотел дать дёру, да только куда ему было бежать в чужом городе!

Но ещё больше удивился Федотка, когда вошёл в покои игумена. На низенькой скамейке возле окна сидел знакомый старичок и мирно распутывал клубок ниток. Увидев, что тот приветливо улыбается и к тому же занимается такой бабьей работой, Федотка мигом осмелел и едва удержался от смеха.

— Пока готовится трапеза, помоги мне, чадо, распутать эти нити, — сказал игумен, кивая на место возле себя.

Федотка послушно сел на деревянный сундук, взял в руки клубок и стал смотреть, как ловко игумен выдёргивает из него нитку и наматывает на маленькое веретено.

— Пора нам с тобой лучше познакомиться, — ласково сказал старичок. — Имена у нас с тобой похожи, может, найдётся и ещё какое-нибудь сходство. Ты мне вот что для начала скажи: любишь ли ты своих родителей?

— А за что мне их любить? — нахмурился Федотка и сердито тряхнул курчавой головой. — У отца моего кулаки — как каменные. А у мачехи такой голос, что им только в лесу зверьё пугать...

Он думал, что игумен сразу же примется за поучения, но старичок вдруг по-детски всплеснул руками и воскликнул:

— Что я говорил! Всё сходится! Ведь и моя матушка в детстве нередко колотила меня, а по голосу издали её можно было принять за мужчину. Признайся, чадо, а доставалось ли тебе, если ты убежал из дома?

— Ещё как, — вздохнул Федотка.

— Вот и я однажды в твои годы встретил странников из Иерусалима и упросил их взять меня с собой в Святую землю. Но матушка догнала меня, привела домой и велела на время заковать в железные цепи, чтобы я впредь от неё не убежал.

— В железные цепи? — изумился Федотка. — Наверное, она тебя и работать тоже с утра до вечера заставляла?

— Наоборот, моя матушка ругала меня, если я вместе со слугами выходил работать в поле, — покачал головой игумен, продолжая терпеливо распутывать нить. — Ведь мы были из знатного рода. И поначалу мне особенно сильно попадало от родительницы, когда я сам молот пшеницу, пёк просфоры и приносил их в дар церкви.

— Какой ты смешной, дедушка! — воскликнул Федотка. — Да если бы я был из знатного рода, то с утра до вечера ничего бы не делал. Только бы наряжался да пировал...

Он и сам не заметил, что давно разговаривал с игуменом запросто, как со своим лучшим приятелем. Никогда в жизни у него не было таких добрых друзей!

— Что поделаешь, чадо, таким я уродился: ни одного дня не умею сидеть празднично, — развёл руками игумен и ещё больше стал похож на малое дитя.

Федотке даже сделалось его жалко, и он спросил:

— Скажи, дедушка, а почему ты носишь такую худую одежду? Это не дело! Вели своим сыновьям, чтобы принесли тебе новое платье.

— Знаю, чадо, что многие принимают меня за нищего, — вздохнул монах. — Но вот ведь какое дело: как только надену на себя новую одежду, мне так и кажется, будто я на себе не обновки, а камни тяжёлые таскаю...

Игумен вдруг остановил работу и с ног до головы оглядел Федотку:

— Смотри-ка, чадо, да мы с тобой и ростом похожи: что старый, что малый. А ну-ка, загляни в сундук, на котором сидишь, и примерь на себя одёжки. Их недавно нам в монастырь один знатный боярин прислал...

Федотка открыл сундук и замер от восхищения: там лежала шёлковая рубаша, красные сафьяновые сапожки, плащ с узорами. И самое главное — все обновки пришлось ему впору, как будто были нарочно на него пошиты.

— Чем я тебя могу отблагодарить за твою доброту, дедушка? — воскликнул Федотка, подпрыгивая от радости и притопывая каблучками. — Эх, видели бы меня сейчас отец с мачехой!

— Если хочешь меня отблагодарить, обещаю никогда впредь не говорить плохо о родителях, — сказал игумен. — И почитай старших по возрасту, даже если видишь перед собой нищего старика.

И вдруг добавил тихонько, еле слышно:

— Эх, много бы я сейчас отдал, чтобы увидеть в живых мою матушку...

— Обещаю, дедушка, на всю жизнь обещаю! — кивнул Федотка, с довольным видом снова усаживаясь возле игумена. — Скажи, а для чего тебе нужны нитки, если ты всё равно никакие наряды не признаёшь?

— Чтобы книги для тебя переплести.

— Для меня? Так я же и читать не умею! — рассмехался Федотка.

ИГРОТЕКА

Художник А. Черенков

Весёлые задачи

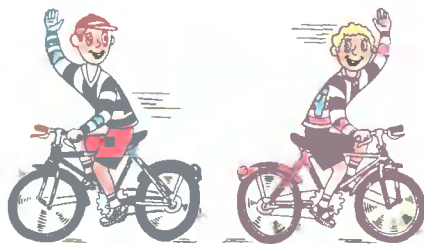
1. Мотоциклист ехал в посёлок. По дороге он встретил три легковые машины и грузовик. Сколько всего машин шло в этот посёлок?

2. В одной семье два отца и два сына. Сколько это человек?

3. Два велосипедиста одновременно выехали навстречу друг другу: первый из пункта А со скоростью 20 км/ч, второй из В со скоростью 15 км/ч. Который из велосипедистов будет ближе к А в момент их встречи?

Ответы см. на стр. 28

— Ничего, скоро научишься. Глядишь, а со временем и переписывать книги будешь...

Но он не успел договорить, потому что в дверь заглянул молодой монах со связкой ключей на поясе.

— Что делать, отче? — проговорил ключарь, чуть не плача. — На обед к нам явился знатный вельможа, сделавший большое пожертвование на церковь. А у нас совсем не осталось мёда, чтобы угостить его.

— Может, осталось хоть немного? — спросил игумен.

— Нисколько, отче. Я даже пустой сосуд, в котором был мёд, перевернул и поставил вверх дном.

— А хоть бы и так, — сказал игумен, подходя к иконам в углу. — Ступай, переверни сосуд обратно и по вере во всемогущего Господа найдёшь в нём мёд. Но только смотри, не говори никому об этом ни слова. А мёдом этим угощай гостей, ибо это — благословение Божие. И ты, чадо, тоже помалкивай...

Так Федотка узнал, что дедушка, который успел стать его лучшим другом, — великий чудотворец Феодосий Печерский, один из основателей Киево-Печерской лавры. А когда услышал, сколько других дивных чудес происходит по молитвам святого старца, захотел навсегда остаться в монастыре.

Но игумен на это сказал:

— Ты ещё слишком мал для монашеской жизни. Мне было двадцать три года, когда я пришёл в эту обитель, но блаженный Антоний и то не хотел меня брать из-за моей юности. Но ты не печалься: ведь мы с тобой теперь монастырской ниточкой навеки связаны...

— Вот этой? — спросил Федотка, разжимая кулак с маленьким, нераспутанным клубком ниток.

— Нет, чадо, монастырская ниточка — это молитва, — с улыбкой сказал преподобный Феодосий. — Ведь всё это время, и даже ночью в лесу, я молился о твоём вразумлении и просил, чтобы Господь даровал тебе любящее, доброе сердце. Я теперь и впредь буду всегда молиться за тебя...

Облако

Надежда Бессонова

Художник О.Ионсайтис

Прилетело облако на большую чёрную гору. Лёгкое. Воздушное. Опустилось на её зелёные луга. Распласталось в центре её склона. Вытянуло шею, выгнуло спину и само стало на горную вершину похоже.

Лежит облако на горе. Отдыхает. Хорошо ему. Тепло и уютно. Замерло. Кругом такая благодать!

Луга покрыты пёстрым ковром разноцветных душистых трав и цветов, от ароматов которых кружится голова. Приветливо кивают головками белоснежные ромашки, голубые колокольчики, ярко-красные маки, жёлтые левкои, розовые гвоздики, фиалки...

Летают бабочки, стрекозки, осы, шмели. Жужжат, собирая мёд, пчёлы. То тут, то там бегут, журчат серебристые, хрустальные ручейки. Так бы и лежало облако на горе, замерев, вдыхая весь этот чудный аромат, наслаждаясь всей этой дивной красотой.

Но вот подул сильный холодный ветер. Гонит ветер облако с горы:

— Прочь! Прочь отсюда! Улетай! Фью! Фью! — завывает. — Фью! Фью-у-у!

А облако лежит себе, не шелохнётся, в солнечных лучах купается. Улыбается. Не хочется ему никуда с горы улетать. Так приятно и радостно ему здесь!

Ещё сильнее стал дуть ветер. Совсем рассердился на облако. Гонит и гонит его с горы:

— Фью! Фью-у! Ишь разнежилось! Другие работают, летают, а ты здесь прохлаждаешься. Прочь! Прочь отсюда! Улетай! Фью-у-у!

Задрожало облако. Осторожно, чтоб не рассыпаться и не растаять, собрало в гармошку свои бока и медленно-медленно поплыло вдоль склона, сползая с горы. Ему так не хотелось покидать эту старую, добрую, уютную гору. «Ещё чуть-чуть полежу», — думало облако. Не отпускала его гора.

Только ветер злющий не унимается. Гонит и гонит облако прочь. Толкает его. Поторапливает. Становится всё сердитее и сердитее.

А гора, старая мудрая гора, всё не отпускает облако, говорит ему:

— Не спеши, милое! Не торопись! Полежи ещё немножко! Отдохни, сил наберись.

Посмотрело облако печально на гору. Никак ему не хотелось с такой красотой расставаться. Благодарно улыбнулось облако горе. Легонько оттолкнулось и медленно-медленно поплыло вдаль, боясь рассыпать все дары, что старая гора ему так щедро подарила. Всё выше и выше поднималось облако, подгоняемое ветром.

Ещё мгновение — и оно совсем исчезло, оставляя за собой невесомый ажурный след. Что ждало его впереди?

— Не печалься, облако! — кричала вслед ему старая гора. — Прилетай еще! Я буду тебя ждать!

Пишет вам Пасынкова Анна из города Тольятти Самарской области. Учусь я в 4-м классе гимназии №9, занимаюсь в творческой студии «Муза», пишу стихи. Уже полгода читаю ваш журнал. Именно из вашего журнала я взяла стихотворение И. Северянина «Моя Россия» и выиграла в городском фестивале искусств «Радуга надежд» конкурс «Родная земля» в номинации «Художественное чтение». Огромное спасибо за знакомство с писателями, художниками и просто за интересную и познавательную информацию. Хочу предложить вам свои стихи.

Стихи о солнце

На небе очень много туч,
Пушисты облака,
Улыбка мамы-солнца —
луч —
Пробьётся для сынка.

Мамочка и небо мне,
кажется, похожи,
У мамы есть ребенок
и у неба тоже.
Но на небе солнце, под
облаком спит сладко,
А у мамы солнышко
нежно спит в кроватке.
А у маленькой Катюшки
На лице одни веснушки,

Даже рыжие волоски —
По плечам растут две
коски.

Рассмеялось я с утра!
Катя — солнышку сестра.
Солнце яркое с утра,
Мне давно вставать пора.
Вам скажу секрет один,
Солнце — это словно
блин.

Ребёнок для мамы
любимое солнце,
Но солнышко это не
светит в оконце.
У взрослых бывают
и мрачные дни,
Но с милым ребёнком
светлее они.

Ветрянка

Пройдёт денёк, пройдёт
другой,
Здоровым будет братик
мой.
Ветрянка. Маленький
больной
Зелёной выглядит
травой.
Себя он называет —
клоун,
Весёлой жизни мальчик
полон.
И смотрит весело, как
чиж.
Ах, выздоравливай,
малыш!

Мой дядя военный

Лежу на кровати и вижу
во сне:
Мой дядя воюет
в далёкой Чечне,
Ему двадцать семь, а уже
командир.
Он хочет, чтоб в странах
покой был и мир.
И рад отдохнуть бы —
тревога опять.
Защитнику русскому
некогда спать.
Волнуется мать,
и горюет отец.
Вернитесь, солдаты,
домой наконец!

Юные художники Севастополя

Севастопольская художественная школа была основана в 1961 году. Её первым директором был талантливый педагог, эмоциональный, влюблённый в искусство человек — Е.А.Кольченко. Вместе со столь же талантливыми и увлечёнными своим делом коллегами-единомышленниками он создал не просто школу, где только учат рисовать, но и замечательную творческую атмосферу, которая сохранилась в ней до сих пор.

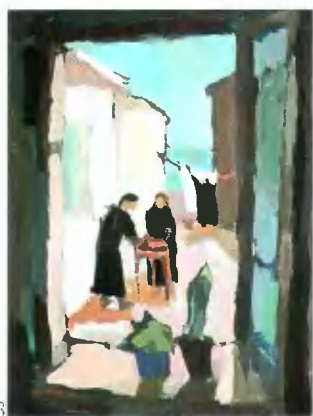
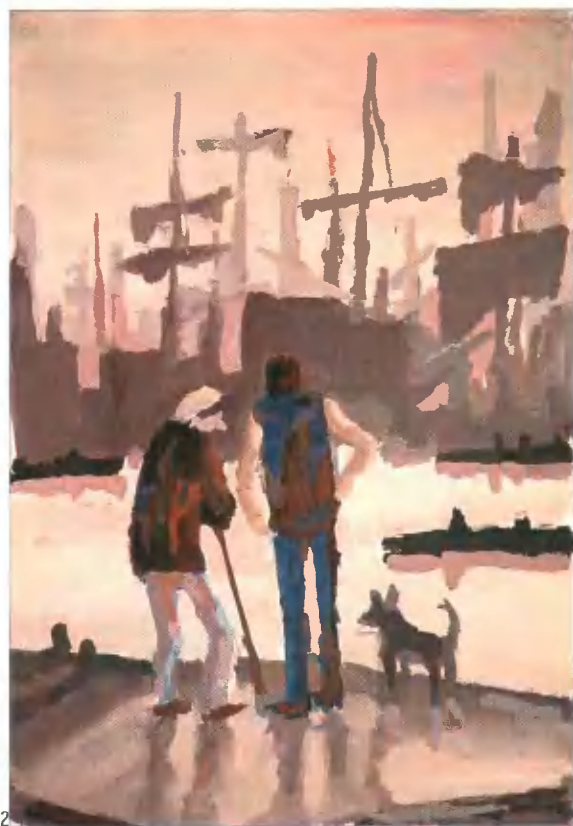
Школе уже 47 лет. Её история складывается из судеб и успехов учеников, которые живут теперь в разных уголках бывшего Советского Союза и за рубежом.

За годы существования школы произведения учащихся неоднократно экспонировались и получали призы на республиканских, всесоюзных и международных выставках и конкурсах (Москва, Киев, Канада, Италия, Индия...). В 1966 году на Международной выставке в Москве «Моя страна — мой дом» ребята получили 12 дипломов Академии художеств СССР и медали. Выставки последних лет в Московском объединении архивов и в выставочном зале «Царская башня» вновь принесли заслуженный успех. Творческие отчёты учащихся и выпускников школы регулярно проводятся в Севастопольском художественном музее, в 2004 году — в знаменитой Третьяковской галерее, а в марте 2008 года — в залах Московской библиотеки фонда «Русское зарубежье».

Ответы:

1. Не менее одной (мотоцикл двигался в посёлок).
2. Дед, отец, сын.
3. Велосипедисты встретятся на одном и том же расстоянии от А.

НАШ ВЕРНИСАЖ

1. Матакен Катя. 13 лет. «Ночь в Балаклаве»
2. Огородникова Дарья. 14 лет. «В порту»
3. Тупиленко Александр. 15 лет. «Дворик»
4. Белоброва Ксения. 15 лет. «Лодки»
5. Шипецкая Ксения. 11 лет. илл. А. Куприн «Листригоны»
6. Чемшит Александр. 13 лет. «Кладбище кораблей»
7. Ковадло Мария. 15 лет. илл Н.В.Гоголь «Нос»

РОМАН-ГАЗЕТА **7** етская

2008 (109)

ИГРОТЕКА

Персонажи на картинах Моне играют такую же роль, как деревья или дома — это всего лишь часть пейзажа, и психологические характеристики людей не интересуют художника. Главные «персонажи» его живописи — свет, воздух, вода, ветер, цветовые рефлексы.

Клод Моне. «Женщины в саду». 1867 г.

**ПОДВИЖНИКИ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ:**
Монастырская ниточка

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Облако

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ